

Л.Д. Громова

[«Застывшие» персонажи]

Персонажи «Войны и мира» делятся не на положительных и отрицательных, даже не на хороших и дурных, но на изменяющихся и застывших. Придворная и светская среда критикуется в романе прежде всего потому, что люди этой среды живут «призраками, отражениями жизни» и потому неизменны.

Всегда и всем одинаково улыбается Элен. При первом появлении Элен ее «неизменная улыбка» упомянута трижды. Князь Василий Курагин, как и Элен, способен лишь на «одинаковое волнение» ленивого актера, то есть всегда безжизненен. «Маленькой княгине» Болконской не прощается ее вполне невинное кокетство только потому, что и с хозяйкой гостиной, и с генералом, и со своим мужем, и с его другом Пьером она разговаривает одинаковым капризно-игривым тоном, и князь Андрей раз пять слышит от нее «точно ту же фразу о графине Зубовой». Старшая княжна, не любящая Пьера, смотрит на него «тускло и неподвижно», не изменяя выражения глаз. Даже когда она взволнована разговором о наследстве, глаза у нее остаются те же, старательно подмечает автор, и этой внешней детали довольно для того, чтобы судить о духовной скудости ее натуры. Берг всегда говорит очень точно, спокойно и учтиво, не расходуя при этом никаких душевных сил, и всегда о том, что касается его одного. Та же безжизненность открывается в государственном преобразователе и внешне поразительно активном деятеле Сперанском, когда князь Андрей замечает его холодный, зеркальный, отстраняющий взгляд, видит ничего не значащую улыбку и слышит металлический, отчетливый смех. В другом случае «оживлению жизни» противостоит безжизненный взгляд царского министра Аракчеева и такой же взгляд наполеоновского маршала Даву. Сам великий полководец, Наполеон, всегда доволен собой. Как и у Сперанского, у него «холодное, самоуверенное лицо», «резкий, точный голос, договаривающий каждую букву».

Раскрывая не только характерные признаки типа, но и мимолетные движения человеческой души, Толстой иногда вдруг оживляет эти зеркальные глаза, эти металлические, отчетливые фигуры, и тогда князь Василий перестает быть самим собой, ужас смерти овладевает им, и он рыдает при кончине старого графа Безухова, «маленькая княгиня» испытывает искренний и неподдельный страх, предчувствуя свои тяжкие роды; маршал Даву на мгновение забывает свою жестокую обязанность и способен увидеть в арестованном Пьере Безухове человека, брата; всегда самоуверенный Наполеон в день Бородинского боя испытывает смятение и беспокойное чувство бессилия. Создатель книги убежден, что в каждом человеке заложены все возможности, способность любого развития, она мелькает и перед застывшими самодовольными людьми при мысли о смерти или при виде смертельной опасности, однако у этих людей «возможность» не превращается в «действительность». Они не способны сойти с «привычной дорожки», они так и уходят из романа духовно опустошенными, порочными, преступными.

Внешняя неизменность, статичность оказываются вернейшим признаком внутренней холодности и черствости, духовной инертности, безразличия к жизни общей, выходящей за узкий круг личных и сословных интересов. Все эти холодные и лживые люди не способны осознать опасность и трудное положение, в каком находится русский народ, переживающий нашествие Наполеона, проникнуться «мыслью народной». Воодушевиться они могут лишь фальшивой игрой в патриотизм, как Анна Павловна Шерер или Жюли Карагина; шифоньеркой, удачно приобретенной в тот момент, когда отечество переживает грозное время, — как Берг; мыслью о близости к высшей власти или ожиданием награды и передвижений по служебной лестнице — как Борис Друбецкой накануне Бородинского сражения.

Их призрачная жизнь не только ничтожна, но и мертва. Она тускнеет и рассыпается от соприкосновения с настоящими чувствами и мыслями. Даже неглубокое, но естественное чувство влечения Пьера Безухова к Элен, рассказывает Толстой, подавило собою все и парило над искусственным лепетом гостиной, где «шутки были невеселы, новости не интересны, оживление — очевидно поддельно».

Но ярче всего ничтожность показных и величие истинных чувств раскрываются в тот момент, когда грозная опасность нависает над всей Россией.